

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА — МЕТАФОРА ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

С. Н. Глазачев, А. О. Глазачева

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, Москва

Ecological Culture — Metaphor of the Changes' Epoch

S. N. Glazachev, A. O. Glazacheva

M. A. Sholokhov Moscow State Humanitarian University, Moscow

Освещены ведущие идеи Московской международной декларации об экологической культуре, показана ее роль в экологизации всех сфер общественного развития, порождении новых областей знания, таких как экопедагогика, экопсихология, экологическая культурология, экодизайн. Дан критический анализ современных взглядов на устойчивое развитие.

Leading ideas of Moscow International Declaration on Ecological Culture are marked out in the article, its role in all spheres of social development ecologization and in generation of new knowledge areas such as ecopedagogics, ecopsychology, ecological culturology, ecological design is shown. The critical analysis of modern views on sustainable development is given here.

10 лет назад Программой ООН по окружающей среде (ЮНЕП) России была оказана большая честь — Москва названа столицей Всемирного дня окружающей среды. Озабоченные состоянием природы Земли представители более 50-ти стран мира заявили, что главная причина экологического кризиса коренится в культуре, взрастившей технократическую цивилизацию, переставшей выполнять адаптивную функцию между человеком и природой. Духовное оскудение человека, сознание потребителя, эгоизм и прагматизм, отчуждение человека от природы, людей друг от друга, стран, народов, конфессий — реальные угрозы всему человечеству.

Стремление к единству на основе учета всеобщих и взаимных интересов, осознание человечества коллективным субъектом биосферы, ответственность за сохранение жизни на планете — это путь к созданию новой, экологической культуры, способной гармонизировать отношение человека и природы на основе его разума, духовности и воли к жизни.

Предложенное в Декларации понятие «экологическая культура» оказалось воспринято в разных сферах — образовании, культуре, науке, общественной жизни, политике. Определение экологической культуры часто цитируется, в зависимости от контекста, ракурса взгляда появляются новые определения в педагогике, культурологии. При этом происходит наполнение определения новыми смыслами, значениями, оттенками без разрушения смыслового ядра — это всегда мера свободы человека по отношению к природе.

В процессе реализации своих сущностных сил, развития одухотворенного разума, человек возвращает в себе

экологическую культуру, происходит «социализация природы и оприродование человека» (С. Марк). Овладевая экологической культурой Человек (человечество) все полнее осознает себя экологическим субъектом мира природы, познавая себя в природе и природу в самом себе.

В контексте экологической культуры исключительно актуально звучит вопрос Н. И. Конрада «Кто есть человек, овладевающий силами природы. И каковы его права и обязанности по отношению к природе и самому себе. И есть ли предел этих прав? А если есть, то каков он?».

Мера свободы человека, предел его прав по отношению к природе — ядро экологической культуры. Чем полнее человек со-ответствует возможностям природы в удовлетворении своих потребностей, вписан в природу, ее циклы, ритмы — тем выше уровень его экологической культуры.

Экологическая культура не может быть жестким канонem, не может быть даже сводом норм и правил, вряд ли может регулироваться только законом. Экологическая этика, моральная философия, экологическая аскеза, альтруизм, коэволюция, экологический императив, экологическое сознание — вот тот далеко не завершённый понятийный ряд, из которого вырастает экологическая культура. Но и сама она обогащает, комплиментарна к ним, как и ко многим другим понятийным конструкциям.

Метафоричность экологической культуры обусловлена самой «эпохой перемен», высокой динамикой социокультурных процессов, «сменой вех» — экономических, социальных, цивилизационных, ценностных ориентиров.

Метафоричность, возможность перенесения смысла с одного на другое, олицетворение, уподобление позволяют участнику диалога обогатить понятие своим смыслом, отрефлексировать его, включить в контекст реальности не разрушая при этом ядро, основу понимания. Более того, метафоричность позволяет активизировать правое полушарие, образное мышление придает пониманию личностный смысл. Напомним, что смысл — это создание и удержание в сознании целостной картины современного мира и соотнесение с образом мира своих поступков, действий, явлений, а целостное мировоззрение — основа экологической культуры.

Экологическая культура приобретает категориальный смысл, обладает эффектом эмерджентности, порождением нового. Системный эффект экологической культуры в полной мере проявляется при возникновении таких новых направлений в науке, культуре, образовании как экологическая педагогика и психология, экологическая культурология, экологический дизайн.

Феномен экологической культуры еще глубоко не исследован, несмотря на большое количество публикаций, проектов, конференций. Несомненно одно — экологическая культура востребована временем, так как решение нами сегодняшних проблем лежит вне любой из современных культур.

В настоящей статье не ставится цель осветить исследования феномена экологической культуры за десятилетие после признания ее актуальности в Московской международной декларации. Мы коснемся лишь трех аспектов, в которых, на наш взгляд, отражаются проблемы становления экологической культуры: устойчивое развитие, этноэкокультура, экологический дизайн.

Каковы пределы устойчивого развития? Для анализа феномена «устойчивое развитие» следует первоначально отчетливо разделить сам эмпирический материал возникающий из непосредственного описания явлений, сбора мнений очевидцев, с одной стороны, и теоретические схемы, абстрактные и конструктивные взгляды на то, о чем ведется речь, возникающие в ходе конструирующей работы мыслителей, пользующихся вполне определенным набором средств языкового типа. С другой стороны, в связи с принципиальным отличием этих двух типов представлений и соответствующих им типов организации мыслительного процесса, введение того или иного утверждения должно базироваться на соотнесении указанных представлений и установлении правомочности их отождествления. В конечном счете, содержание второго типа отождествляется с содержанием первого типа. Предикат мысли отождествляется с субъектом мысли, что позволяет о выделенном фрагменте эмпирического материала судить в рамках содержания используемого средства мысли [1—3].

Если тема для размышлений касается именно устойчивого развития, то в качестве предикатов должны выступить такие понятия как «развитие», «устойчивость», «устойчивое развитие». По своему содержанию

развитие отличается от изменения и роста. С эмпирической точки зрения установление отличия между изменением и развитием, ростом и развитием не является «автоматической» процедурой. Если предприятие увеличивает объем выпускаемой продукции, то это не означает еще обязательного установления факта его развития. Если учебные заведения приобретают статус более высокого уровня, меняют свое название и осуществляются некоторые изменения в функционировании, то это не означает обязательного прохождения и качественных переходов, характерных для развития. Если количество популярных по названию учебных заведений увеличивается, то это не обязательно связано с переходом на более высокий уровень развития образования по конкретному направлению.

Говоря об устойчивом развитии общества, государства, нации, регионов, отраслей, предприятий, коллективов, отдельных людей надо прежде всего выяснить, имело ли место развитие, в отличие от изменения, роста можно ли говорить о состояниях развития и однонаправленности смены состояний в «лестнице» развития, является ли переход из состояния в состояние однонаправленной тенденцией. Однако само установление наличия шага в развитии, развивающего перехода, предполагает опознание определенности объекта его устройства, функциональной формы и путей морфологизации, выявление функционального бытия, внутренней трансформации, которые определяют прохождение шага в развитии. Иначе говоря, прежде, чем вести речь о непрерывном развитии следует сначала вести речь об устойчивом функционировании. Если объект, система, мегасистема не опирается на устойчивость в функционировании, любые изменения, даже если они приобретают целостный характер, эффект развития не создают и сводятся к хаотическим изменениям. Еще во времена Гегеля было известно, что при прохождении цикла развития существует и первое отрицание или разотождествление с прежним устойчивым бытием, и второе отрицание или восстановление отождествленности моментов того, что существует, их устойчивого совмещения по единому основанию.

Следует подчеркнуть, что анализ процесса развития и даже изменения предполагает использование категорий системного анализа. Еще А. А. Богданов обсуждал общие теоретические схемы возникновения, функционирования, развития и деградации организованностей [4]. Удерживая, в определенной степени философскую традицию анализа систем, онтологических целостностей, он показывал, что организованность предполагает совмещение ее формы и того, что заполняет форму. Аристотель это называл совмещением «формы» и «материи». В этом же направлении шли многие представители системного анализа, но более оформленный вариант такого анализа, его критериального обеспечения дал Г. П. Шедровицкий. Если иметь в виду, что любой объект и даже универсум имеют свою функциональную форму и эта форма заполняется мор-

фологией, наподобие того, как желудок заполняется пищей, литейная форма — металлом, штатное расписание — сотрудниками, а норма — ресурсным обеспечением и т. п., то устойчивое функционирование означает «устойчивое» соотнесение с окружающей средой. В ней находится морфология для заполнения формы и из нее вытесняется та морфология, которая перестает соответствовать требованиям формы. Подобные явления очевидны в наблюдаемой жизни.

Если член коллектива не выполняет фиксированных и либо согласованных, либо кем-то введенных, либо откуда-то заимствованных, но всегда принятых сообществом норм, требований, то этот человек начинает вытесняться из сообщества. Следовательно, объект существует в постоянной динамике отношений между требующей формой и примеряющейся к ней морфологией. Функционированию соответствует сохранение формы при любых изменениях морфологии. Человек остается «одним и тем же» при реальной замене его морфологических составляющих, вплоть до полной замены, но при сохранении замененных компонентов как соответствующих формным требованиям, общая «схема» которых и дает функциональный ответ, что такое человек. Наука обладает своей динамикой существования, функционированием и даже развитием при временности вхождения в нее реальных ученых на той или иной исторической фазе существования науки. Лишь тот ученый достигает величия, который своим частным бытием, своими вкладами, решал «не свои» задачи и проблемы, а им заимствуемые в науке задачи и проблемы, позволившие науке пройти новый шаг к истине.

Для того, чтобы даже только функционировать, объект «должен» иметь достаточные ресурсы для восстановления себя как организованности. Однако эти ресурсы либо принадлежат иным организованностям, либо сами являются организованностями и поэтому окружающая среда совсем не автоматически «обеспечивает» воспроизводство объекта, его функционирование. Поэтому и при функционировании требуется гармонизация «потребностей» всех форм, всех организованностей, чтобы они обеспечили друг другу воспроизводство, функционирование.

Поскольку каждый объект имеет свой цикл бытия и он, реально для существующего, включает переходы от более простых форм к более сложным, вплоть до «основной» во «взрослом» функционировании, то переход к иной форме прежде всего порождается внутренне как созревание и лишь частично и в более сложных системах как извне стимулированное изменение форм. Так ребенок становится взрослым, но конкретные трансформации его на жизненном пути зависят от учета внешних воздействий и он проходит весь доступный ему путь социализации, окультуривания. В особых случаях внешняя среда вносит во внутреннее способ бытия внутреннего через посредство трансляции в социокультурных условиях внешних способов поведения и самоорганизации. Это очевидно для образования сферы, в

которой транслируются всеобщие значимые знания, умения, чувствования, способы общения. Но и в созревании, и в обучении и воспитании подвергается изменению сама форма. Неслучайность формных трансформаций является самой сложной и таинственной стороной бытия, изучение которой было как правило в руках мудрецов, философов, теологов, углубляющихся во всеобщую, универсальную схему и механизм бытия. При измененности формы меняются условия морфологизации, функционирования объекта. Прежняя морфология может стать уже несоответствующей. Поэтому анализ развития прежде всего локализуется в анализе качественных изменений не объектов, а форм объектов.

Например, при изменении требований к производству прежнее и успешное функционирование конкретного предприятия становится морально устаревшим и оно может быть остановлено не за счет естественных факторов, связанных с ресурсным обеспечением, а за счет искусственной замены одной системы требований на другую и переопределение ресурсных характеристик. Инерция прежнего функционирования и его adeptов может мешать переналадке производства, но рано или поздно, невостребованность продуктов заставит обратиться к новой форме. Точно так же неэффективное общество, экономика, правовая система могут поддерживаться соответствующей системой насилия и воспроизводства социально-политических механизмов. Но находится та сфера бытия, например, сложные военные технологии, использование которых в противостоянии с внешним конкурентом может истощить запас воспроизводимости целого. И целое входит в период поиска новой формы. При слабой развитости механизмов замены одной формы другой, определения той формы, которая дает основание длительной стабилизации и реагируемости на внешние изменения без утери основания, изменение формы сопровождается ускоряющейся дестабилизацией. Все имеющиеся ресурсы как бы не могут найти себе корректного приложения из-за неопределенности формоизменения. Именно подобная практика характерна для постсоветского пространства.

Дестабилизация может восстанавливаться и длительно сохраняться и при случайном, формальном заимствовании форм для измененного бытия, к которым не могут адаптироваться имеющиеся ресурсы. Это в особенности касается морально-нравственных и духовно-интеллектуальных ресурсов. В период запуска и первых лет реформ осторожность в порождении или поиске новых форм замещалась резким и формалистическим заимствованием форм экономического бытия и способов управления, к которым не было готово население, уклад жизни, социокультурные стереотипы и т.п. Более того, более глубокий анализ эффективности заимствованных форм на длительную перспективу не сопровождался принципом сохранения соответствия формы и морфологии с ограниченным и допустимым рассогласованием, необходимым для гибкости движения вперед.

Тем самым, при переходе от одной формы к другой автоматически цикл развития не обеспечивался, так как предшествующая форма, чтобы обеспечить развитие, должна иметь в себе допустимость новой формы, а новая форма должна быть устраняющей ограниченность прежней формы. Об этом и вел речь Гегель в учении о развитии. Если под воздействием условий сама форма меняла свою направленность в изменениях в случайную сторону, несоответствующую ее потенциальной тенденции, то возврат в прежнее направление и устранение навязанных признаков относится не к развитию, а к реабилитации, к восстановлению способности развития. Таким образом бывшие изменения в пост советский период никак нельзя относить к явлениям развития. Так же как реабилитация наркомана, избавление от психофизиологических напластований периода применения наркотиков не может вписаться в процесс развития. Корректировочные мероприятия по отношению к населению, вовлеченному в криминально-террористическую практику, возврат к «нормальной» жизни не касается цикла процессов развития субъективных и иных качеств этого населения.

Однако даже в том случае, если общество или группа, предприятие, отрасль, сфера бытия проходят путь от функционирования на одном уровне к функционированию на другом уровне развития, реальное прохождение пути возможно лишь при поддержании полного и неограниченного ресурсного обеспечения. Так мировая держава или ограниченное сообщество развитых стран могут достаточно непротиворечиво развиваться и регулярно проходить циклы развития лишь тогда, когда необходимые и наиболее значимые ресурсы располагаются внутри в неограниченных масштабах, обменные потоки всех типов ничем не задерживаются или все ресурсы берутся извне и это изъятие ничем не сдерживается. Однако такое положение дел является маловероятным и временным. Поэтому этим странам приходится вторично создавать механизмы искусственного построения механизма неограниченного обеспечения за счет прямой и косвенной силовой сферы, соответствующей политики и разрабатываемых стратегий.

Вместе с ослаблением возможностей внешнего обеспечения, роста сопротивления политике спекулятивного отношения к среде, ростом самосознания и всех типов самостоятельности и мощности защитных механизмов указанная эгоцентричность будет подвергаться испытаниям, корректированию, самоограничению. Это и сужает возможности первоначально намеченного развития, меняет направленность на те механизмы, которые могут иметь перспективу развития, увеличивает вероятность роста дисгармонии развития. Одновременно возникает почва для перехода к универсально значимым проектам, к мировым стратегиям, в которых идея непрерывного развития ограничивается иными идеями, более вероятными и перспективными для сбалансированного бытия неоднородного универсума, мирового сообщества, земной цивилиза-

ции. И тогда в качестве основных критериев реконструкции проектирования, прогнозирования и проблематизации могут оказаться не идея и даже строгое представление об устойчивом развитии, а, например, универсальная гармонизация или универсальный эволюционизм (Н. Н. Моисеев).

Резюмируя, отметим, что устойчивое развитие возможно лишь при реальном существовании механизма развития, переводящего целостность с менее развитого состояния на более развитое состояние без разрушения механизма функционирования в каждом из состояний и при своевременном исчерпании возможностей предшествующего функционирования и активизации потенциала нового состояния развитости. При этом смена морфологии для каждой из форм целостности не сопровождается ограничениями окружающей среды, которая может поставить иную морфологию для потребления и преобразования и необходимую для целостности, и которая способна взять неограниченное количество несоответствующей морфологии. В реальных условиях, природных и социокультурных, указанные условия сохранить полностью невозможно, а степень сохранности тесно связана со степенью эгоцентрического отношения с окружающей средой. Успешность эгоцентрического существования целостности всегда имеет временный характер и на определенном этапе дисгармонизации отношений с окружающей средой возникает дисгармонизация внутри целостности. Ее сущность прямо предопределена разрушением соответствия морфологии той форме целостности, которая становится ведущей на актуальной стадии развития. Тактически сумма благоприятных условий может создавать эффект устойчивого развития на фиксированном отрезке целостности. Стратегически акцент на устойчивое развитие создает иллюзию самой принципиальной возможности неограниченного развития, что вытесняет основание относительности успеха в стратегии устойчивого развития.

Современная цивилизация уже подошла к ограниченности стратегии устойчивого развития для целостностей как частей универсума, для Земли в целом, для изолированного бытия земной цивилизации. Эта стратегия неизбежно может и будет заменена стратегией гармонизации бытия части в целостности, в универсуме с другими частями и универсумом. Быстрота осознания зависит от распределения среди населения, участвующего в принятии глобальных решений, более реалистического мировоззрения, а также от постепенного включения реалистических, «истинных» знаний предшествующих культур и цивилизаций в активное мироотношение. Новая стратегия и является экологической в рамках того понимания «экологического», которое нами развивается [2, 5].

Представленные размышления вызваны озабоченностью тем, что феномен «устойчивое развитие» рискует превратиться в непонятную и не наполненную смыслом конструкцию, выхолощенную идеологему. На

наших глазах термин уже превращается в дериват УР: УР-образование, УР-технологии, УР-политика, возникает «информационный шум» — информация без смысла. Нашу тревогу разделяют многие исследователи. Одним из первых прокомментировал итоги Всемирного саммита по устойчивому развитию Н. Н. Моисеев «Идея устойчивого развития — это опасное заблуждение». Вице-президент Международной федерации философских обществ И. Кучуради (Турция) отмечает, что некоторые слова от частого употребления выхолащиваются, лишаются смысла. Именно так произошло с понятием устойчивое развитие. Э. В. Гирусов называет понятие устойчивое развитие мифом, т. е. коллективным бессознательным.

В отечественной науке и культуре много блестящих идей, осмысливающих будущее. Н. Ф. Федоров провидчески писал: «И война и торговый обман возможны и неизбежны в обществах, не имеющих общего дела». Сохранение жизни на планете Земля — то общее дело, которое способно объединить человечество, помочь ему выполнить космическую функцию — содействовать эволюции биосферы в ноосферу.

Формулируя условия перехода биосферы в ноосферу, которое называют научным завещанием ученого, в качестве ведущих В. И. Вернадский называл взрыв научной мысли и политическую волю. «Полный провал политической воли» — резюмировал К. Аннан итоги Саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге.

Экологическая культура этносов

Опыт последних десятилетий показывает, что внешние по отношению к человеку способы решения экологических проблем (социальные, политические, экономические, технические и пр.) не дают положительного результата, поскольку оставляют неизменной внутреннюю природу человека, ориентированную исключительно на цели удовлетворения материальных потребностей. Назрела необходимость коренного изменения поведения человека по отношению к природе путем коррекции духовных оснований деятельности: мировоззрения и потребностей, смены ценностей и цели жизни. Предстоит откорректировать культуру, которую мы транслируем в образовании, сделать ее экологической, гармонизирующей потребности человека и возможности природы.

Между тем, истоки идеи природосообразного, гармоничного, вписанного в универсум развития представлены в глубинных пластах культуры, в становлении этносов, их гармоничном пребывании в окружающей среде, в научных трудах предшественников, обосновавших роль живого вещества (биоты) в становлении и сохранении жизни на планете (В. И. Вернадский, Н. Н. Моисеев, У. Р. Каттон и др. — [6, 7]) и наших современников [8, 9]. Так, научные основы сбалансированного взаимодействия общества и природы представлены в теории биотической регуляции В. Г. Горшкова [10].

Сделать идею устойчивого развития жизнеспособной возможно только освободившись от пиара и популизма, формального употребления, путем глубоких социологических, этнографических и геоэкологических исследований, использования как научного, так и духовного потенциала человечества.

Человечество все полнее осознает себя коллективным субъектом биосферы, масштабы и последствия своего воздействия на природу Земли. Вместе с тем, это единство обеспечивается громадным разнообразием национальных социоприродных экосистем, экологических культур этносов.

Наличие разнообразия является неременным условием здоровья (благополучия) системы как биологической, так и социальной. Культура — это «вторая природа», в ней также действует принцип разнообразия. Сокращение разнообразия выступает общим критерием экологической деградации — как для социоприродной системы, так и для природной.

«Экологическая культура предполагает такой способ жизнеобеспечения, при котором общество системой духовных ценностей, этических принципов, экологических механизмов, правовых норм и социальных институтов формирует потребности и способы их реализации, которые не создают угрозу жизни на Земле», — говорится в Московской международной Декларации по экологической культуре.

Разнообразие экологической культуры порождено разнообразием природы. Даже при сохранении типичных зональных черт местные ландшафты всегда неповторимы и индивидуальны. Еще более усложняется картина с появлением общества. Своеобразие порождающей род природы определяют особенности формирующегося в рамках данного пространства культуры, особого стиля освоения природы.

С позиций экологической культуры, которую мы можем назвать «культурой связей», очевидно, что каждая из сфер общественной жизни (экономическая, социальная, духовная) важна, но не может иметь исключительного значения. Однако, при наличии общих черт общественного воспроизводства, части человеческого сообщества по-разному формируют культурные традиции, вырабатывают свои приоритеты, формы освоения пространства. Так, для казахского этноса экологически культурно освоить пространство — значит научиться перемещаться по бескрайним степям вместе со стадами скота от одного источника воды до другого, учитывая в эксплуатации пастбищ возможности их восстановления. В Голландии, где люди веками создавали, осваивали пространство, превращая его из морского дна в сушу, — иное представление об экологической культуре. Но при всей непохожести освоения пространства — это образы экологической культуры, оптимальные способы включения общества в определенную экосистему.

Уникальность, неповторимость как универсальное свойство природы воспроизводится и в культуре. То, что обычно в одной культуре, с точки зрения культу-

ры другого народа воспринимается как необычное. Так, сбор грибов в лесу для россиян — увлекательное занятие и даже промысел, а скандинавы это рассматривают как ущемление интересов местных белок.

Изучение экологической культуры различных этносов позволяет отметить закономерности, выявленные классической экологией как общие для всего живого — выживает не единый организм, а сообщество организмов, коллективный организм. Индивидуальный культурный образ первоначально возникает у рода. Именно групповое, коллективное, а не личностное, индивидуальное пространство является первичным пространством становления человеческой деятельности — культуры.

Все элементы, все особенности природы впитываются и воспроизводятся обществом: в языке отражен звукообраз природы, в мифах и обычаях — отношения к природе, в логике, стиле поведения, традициях — взаимодействие, приспособление к освоению данного ландшафта. Позднее, на базе этих социальных общностей возникают политические, экономические и другие общности. В результате оформляется народ как элемент национальной экосистемы.

Богатство экологической культуры человечества на Земле огромно и оно изменяется со временем — меняется пространство экологической культуры. Народы формируются, группируются, образуются сложные этносы и суперэтносы. Возникают цивилизации как своеобразные типы культуры, способы сочетания и проявления типов развития, характерных для определенных групп этносов. Народ и народы играют активную роль в выстраивании национальной, цивилизационной экосистемы. Народ на различных этапах своего развития выступает как экологический системообразующий фактор.

Вопрос об экологической культуре различных этносов невозможно решить без анализа соотношений этноса, ландшафта и культуры. Глубокий анализ взаимодействия конкретного народа с окружающим его ландшафтом на основе становящейся культуры позволит увидеть его экологическую культуру как меру вписанности в природу, универсум, как способ реализации своих сущностных сил.

Существует много определений этноса. Из всего многообразия мы выбрали самое простое, привычное. Этнос — это народ, народность. Это то, с чем (кем) человек себя идентифицирует, отвечая на вопрос: «Кто ты?» — русский, немец, француз, монгол или японец. При этом мы понимаем этнос не как статичное состояние, но вместе со своим становлением (язык, место — пространство и т. д.). Этническое самосознание — явление всеобщее.

В настоящее время утверждение, что есть еще земли, где не ступала нога человека, устарело. Пустыни и тропические леса, горные массивы обнаруживают присутствие человека через предметы материальной и духовной культуры. Сформировалась антропосфера, а в силу разнообразия ландшафтов и типов их хозяйственного освоения она превращается в этносферу — мозаичное пространство различных этносов.

Отметим также, что не человеческие индивиды заселили всю землю, а человеческие общности, коллективы, овладевшие культурой как надгенетическим характером эволюции и социальной организованностью. Однако при различной социальной организации и способах взаимодействия со средой человек остается биологическим существом, и никто не «отменяет» действия природных законов его развития.

Известно, что характер этногенеза часто отличается от ритмов развития социальной истории человечества [11]. Независимо от уровня развития техники, экономики все необходимые ресурсы человек получает из природы. Он представляет как бы верхнее звено трофической цепи заселенного геобиоценоза. Экосистемы в свою очередь являются частью более общей целостности — биосферы планеты. В условиях глобального экологического кризиса особенно важно уяснить, какие стороны деятельности человека более губительны для ландшафтов, вмещающих определенные этносы, ибо губительное для людей разрушение природы сопряжено с развитием культуры, техники, экономики.

Человек охраняет, сберегает природу для себя, но охраняет от себя же. Значит, причины экологических кризисов следует искать не в природе, а в человеке, его сознании, поведении, деятельности. Природа, ее живое вещество, преобразуя энергию Солнца и радиораспада в глубинах планеты, побеждает мировую энтропию. Человек — наоборот, создавая антропосферу, превращает порядок природы в хаос, умножает энтропию.

Каждое общество стремится к сохранению своего своеобразия, своей самостоятельности — к самосохранению. Вместе с тем все народы мира взаимодействуют, не могут и чаще всего не стремятся полностью изолироваться от других. Обмен веществом, энергией, информацией между национальными экосистемами организуется под воздействием двух основных тенденций: к сближению народов и к их обособлению.

Абсолютизация тенденции сближения могла бы повести к слиянию национальных экосистем, к снижению разнообразия — то есть к экологической деградации. Но и полное обособление национальных экосистем, прекращения обмена между ними должно было бы вылиться в их вырождение. Чрезмерная обособленность, резкое деление мира на «мы» — свой этнос и «они» — все остальные, не менее опасная с экологической точки зрения крайность. Если экосистемы закрыты для диалога, прерывают связи с другими экосистемами, возникает кризисная экологическая ситуация. Схема, по которой развивается экологический кризис в отношениях между природой и обществом, повторяется в отношениях между национальными экосистемами. В результате нередко улучшение, развитие одного из процессов в рамках национальной экосистемы ведет к ухудшению, деградации в другой, а порой угрожает целостности всей биосферы Земли.

Следовательно, с точки зрения экологической культуры, необходимо избегать крайностей, следить за

соблюдением меры открытости и закрытости национальных экосистем. Это распространяется и на национальные экокультуры. Ведь в культурах разных народов глобальная экосистема отражается своеобразно. Существуют специфические «национальные образы мира» [8]. Сегодня возникает потребность в значительном сближении важнейших мировоззренческих представлений отдельных, сложившихся в рамках этнических, национальных культур, необходимость преодоления локальной жесткости некоторых ценностных ориентаций и приоритетов при неременном сохранении этноприродного разнообразия.

Для всех без исключения человеческих сообществ на ранних стадиях развития характерен тип синкретичного мышления, который ставит человека в зависимость от природного окружения и «надприродных» сил. Мифотворчество, бытие внутри мифа, магическая практика позволяли создавать «порядок из хаоса», — опыт стихийного, нарождающегося сознания, первый опыт культурной работы. Как отмечал М. Бубер, у истоков стоит несомненное единство Духа и инстинктов, и возникновение нового духовного инстинкта.

Переживая эпоху технократического развития, предельного отчуждения от природы, вырвавшись из породившей человечество биосферы, человек осознает все несовершенство своего поведения и мышления, своей культуры. Перед угрозой губительной для себя трансформации окружающей среды человек вынужден искать пути возвращения в лоно природы, осознания себя частью в целом, имя которому — Природа.

Будем помнить, что экологическую культуру невозможно импортировать в страну как французскую косметику или японские автомобили. Она рождается как результат тысячелетнего взаимодействия этноса, природы и культуры.

Дизайн-образование и экологическая культура

Современный этап общественного развития предъявляет все новые, более высокие требования к человеку как к профессионалу и гражданину, как к личности. По мнению ряда ученых, XXI век призван стать веком человеческих качеств (А. Печчи), веком гуманитарным (К. Леви-Стросс), началом экологической эпохи в развитии человечества (Э. В. Гирусов, И. К. Лисеев).

Анализ развития высшего профессионального образования в условиях высокой социокультурной динамики обнаруживает ряд противоречий, не позволяющих формировать компетентных специалистов, обладающих мобильностью, креативностью, в полной мере реализующих свой творческий потенциал в жизни и профессиональной деятельности. Это в полной мере относится к подготовке дизайнеров в гуманитарных вузах.

Выявление противоречий между новыми требованиями времени, современной системой подготовки специалистов, поиск путей «снятия», преодоления их —

реальный механизм повышения профессиональной компетентности выпускников вузов. В месте с тем, компетентностный подход требует глубокого анализа всех сторон совершенствования педагогического процесса: от методологии и теории научного постижения предмета до педагогических технологий и диагностики качества образования.

Одно из ведущих противоречий в дизайн-образовании связано с недостаточной теоретической разработанностью сущности дизайна как явления культуры, противопоставлением науки и дизайна. На это обращают внимание многие исследователи. Так, анализируя программы Королевского колледжа искусств по изучению «Дизайна с большой буквы», авторы обосновывают наличие особых, дизайнерских путей познания, отличных от научных и гуманитарных. Дизайн имеет свою ценность, которая должна найти отражение в поддающихся сравнению образовательных понятиях.

Поиски «упорядочивающего принципа» или «конструктивной модели» К. Александер считает сутью дизайнерской деятельности, превращающей типичное, обыденное в оригинальное.

Специалисты подчеркивают, что возможно существует «система кодов» перевода мыслей в слова, потребностей в артефакты дизайна. Возможно дизайнерские методы познания воплощены в кодах, их ментальную сущность предстоит познать и воплотить в понятиях. Пока эта сложнейшая задача «раскодирования» дизайнерского познания не решена, дизайн не без основания называют «молчаливым знанием» (В. Ф. Сидоренко). Отсутствие в теории дизайн-познания адекватного понятийного ряда остро выражено в обучении дизайну, где традиционно опираются на систему ученичества (моделирование деятельности, погружение в опыт предшественников и т. п.).

Проблемы теории дизайна, не получившие решения, вступают в острое противоречие с необходимостью в обучении (подготовке специалистов) дизайнеров опираться на теорию и методологию, адекватные педагогические технологии, а не только на трансляцию опыта, следование образцам и алгоритмам. В современной ситуации, к сожалению, преподаватель не всегда способен не только теоретически обосновать, но даже «артикулировать» предлагаемые образцы деятельности. Несомненно, это сужает возможности формирования творческих способностей, креативного мышления.

Разумеется, это не умаляет роли «ремесленничества», подражания, копирования продуктов дизайна, тем более, если этот процесс сопровождается постижением пути, пройденного мастером, запечатленном в его творении (материал, технология, замысел, воплощение). Копирование предметов исторической материальной культуры — Протодизайн, при всей внешней простоте (копировании) способен порождать очень сложные и совершенные вещи, отмечают К. Александер и Дж. К. Джонс. Современная эпоха породила даже парадоксальное суждение: «Копия лучше оригинала».

Нечто подобное наблюдается и в лингвистике — семиозис предполагает интерпретацию и переинтерпретацию текста — появление многочисленных «римейков».

Вместе с тем, еще требуется критический анализ утверждений дизайнеров о том, что изобретение опережает теорию, сфера творчества и исполнения — опережает сферу понимания: технология ведет к науке, а не наоборот [12]. Современный экологический взгляд на мир, его противоречия показывают ущербность мышления по алгоритму: «бытие определяет наше сознание».

Специфика дизайнерской деятельности обоснована и экспериментально проверена английским исследователем Лоусоном. Полученные им эмпирические данные позволяют сделать вывод, что в отличие от исследователей, которые концентрируют свое внимание на системном анализе проблемы, дизайнеры сосредотачивают внимание на поиске решений, их вариантов, опираясь на синтез в познании. Стремление создать «образ» явления, увидеть явление в целом, может быть пока еще без резких контуров и границ, а затем, как бы внутри искать оптимальное решение, несомненно «маркирует» мышление дизайнера как синтетическое, модельное, образное.

Методолог дизайна К. Джонс, утверждая, что дизайн нельзя смешивать ни с искусством, ни с наукой, подчеркивает, что в поиске оптимального решения внутри идеальной модели, абстрактного образа, дизайнеру порой приходится переформулировать и саму проблему. По сути дела, дизайнер реализует в постижении проблемы герменевтические методы, стремится к пониманию смысла проблемы, а не только воплощению знаний, информации о предмете в проекте. Обобщая, можно сказать, — наука исследует сущее, дизайн проектирует должное, согласится с афористичным утверждением «наука аналитична, дизайн конструктивен». Дизайн дает толчок к созданию новых форм.

Картезианская модель познания мира, естественно-научное мировоззрение, не целостный, а лишь фрагментарный, частичный взгляд на мир, познание как получение информации, а не понимание, постижение смысла, к чему стремятся современная наука и образование, является причиной системного кризиса цивилизации, который, несомненно, касается и дизайн-творчества. Вряд ли противопоставление дизайна и науки продуктивно. При всей специфике творчества, познания в искусстве, дизайне, науке и даже необходимости исследования этой специфики, не следует забывать, что все это лишь различные языки культуры, разные способы отражения природы.

Дизайн-творчество отличает от науки воплощенность идеи, замысла. Но и наука, порождающая идеи, внедряет их, реализует в практической сфере. Порой идеи науки питают дизайн-проекты. Вряд ли следует сомневаться в том, что успехи в философии познания, гносеологии оказали влияние на развитие дизайна. Вместе с тем и художественное творчество, образное, личностное, субъективное восприятие явлений, предметов,

содействовало возникновению потребности в науке не только анализа, но и синтеза, образного, а не только «знаниевого» подхода.

Утверждая новый алгоритм познания, осмысления и преобразования мира — «сознание определяет бытие» — мы приходим к необходимости онтологического, сущностного понимания, отражения мира, понимая, что сущностью человека является не его телесная биологическая форма и социальная организация, но обладание одухотворенным разумом. Предельное соответствие онтосу (сущему) в природе, мире и общества и человека — та методологическая база, на которой возможно понимание, осмысление и коррекция современной культуры. Моральная философия, вписанность в природу, ее циклы, природосообразность, биосферосоответственность — те новые аксиологические ориентиры, способные помочь человечеству достойно ответить на глобальные вызовы современности.

Отметим, что в традициях отечественной науки, русского космизма, целостное мироотношение, единение природы, человека, общества глубоко обоснованы в трудах Н. Ф. Федорова, Н. А. Бердяева, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского и наших современников А. Л. Яншина, Н. Н. Моисеева и др. Более того, в многочисленных зарубежных исследованиях (Д. Медоуза, Э. Вайцзеккера, У. Каттона, Э. Ласло и др.) глубоко обоснована невозможность технического прорыва как выхода из современного цивилизационного кризиса. В рамках современных цивилизационных алгоритмов развития по пути технократии и потребительства выхода нет, это путь к обострению кризиса и катастрофе.

«Макросдвиг» (Э. Ласло) — выход из экологического кризиса возможен только на основе изменения сознания, коррекции современной культуры, становления экологической культуры [13], формирования экологического сознания [14—16], нового рационализма (Н. Н. Моисеев), расширенного взгляда на мир (В. Кофлер). Предельное соответствие онтосу (сущему) во всех видах деятельности в природе, социуме, культуре, духовном производстве, образовании — вот та «философия общего дела», которую утверждал в своем творчестве предтеча русского космизма Н. Ф. Федоров, и которая востребована современным социокультурным и духовно-нравственным развитием цивилизации. Можно с уверенностью утверждать, опираясь на исследования классиков дизайна К. Кантора, К. И. Рождественского, В. Л. Глазычева и др., что дизайн не может успешно развиваться вне культуры своего времени, культуры, которая все больше становится экологической. Вместе с тем, дизайн и обогащает современную культуру. Образное, метафорическое понимание явления, предмета, вещи, в т.ч. и еще не существующей, как предварение их детального осмысления, выравнивают соотношение анализа и синтеза в познании мира.

Между экологическим и дизайнерским познанием и осмыслением мира, образованием в этих сферах, много общего. Напомним, что смысл это создание и

удержание в сознании целостной картины современного мира, соотнесение с этой картиной мира понятий, явлений, поступков, деятельности. Смысл это и есть тот обобщенный взгляд, который предшествует дизайн-проекту как будущей воплощенной идее. Но это и та методологическая позиция, с которой начинается формирование экологической культуры студента — целостное (пусть и на разных уровнях онтологичности в зависимости от курса обучения студента, овладения экологической культурой и т. п.) восприятие мира и осознание своего места в нем, полагание себя частью в этой целостности.

Можно предположить, что постижение образа вещи (продукта дизайна) не исчерпывает и не исключает познание образа мира и места в нем человека, как в познании, так и в образовании. Так экология и дизайн теснейшим образом смыкаются, переплетаются, но при этом сохраняется определенная иерархия, вершиной которой является экологическая культура, понимаемая как соответствующая в своем пределе онтосу (сущему). Не нанесение вреда природе, живому, обществу, самому себе, культуре — критерий экологичности. Обыденной «мерой» поступка с точки зрения экологической культуры является дилемма: угроза — соответствие. Отсутствие в действиях личности, общества угрозы определяется как экологосообразное (культуросообразное). С этих позиций, экологическая культура является всеобщим мериллом любой деятельности — в философии обоснован принцип биосферосообразности как аксиологический ориентир развития.

Применительно к образованию, его аксиологической составляющей, исходя из предметного (дисциплинарного) содержания образования — экологическая культура, экологическое сознание носит надпредметный характер, должно быть представлено в любой образовательной системе, реализовываться на любом содержательном основании, в любом (каждом) блоке образовательного стандарта. Выявить экологокультурный, воспитывающий, развивающий потенциал, вклад каждого блока стандарта, программ дисциплин — обязательное условие и начальный этап формирования экологической компетентности дизайнера. Не исключено, что с учетом новых аксиологических целей высшего об-

разования возникнет потребность в «инкорпорации», дополнении, обогащении программ и содержания экологически ориентированным материалом. Несомненно, потребуются коррекция и педагогических технологий.

В заключение отметим, что метафоричность понимания свойственна как дизайнерскому искусству, так и экологической культуре. Однако проблема измерения непременно возникает как при оценке дизайн-продукта, так и уровня сформированности экологической культуры как основы экологической компетентности. В дизайне это оценка экспертов, заказчика, потребителя. Для оценки становления экологической компетентности разработана матрица (схема) структурных уровней экологической компетентности специалиста. Пока еще экологические критерии компетентности не включены в процесс подготовки дизайнеров, также как идеи культуросообразности, экологического соответствия не выступают в качестве одного из компонентов оценки дизайнерской деятельности. «Экологизация дизайна» не происходит «напрямик», через нормативы типа СНИПов. Экологическая культура воздействует на дизайн опосредованно: через формирование эстетических предпочтений и вкусов, через экологическое сознание потребителей, экспертов. Особая роль в этом процессе принадлежит высшему профессиональному образованию в области дизайна, призванному обеспечить становление экологической компетентности специалиста.

Представленные проблемы еще далеки от решения и исчерпывающего понимания. Однако они демонстрируют плодотворный характер метафоричности экологической культуры для исследования сложных динамичных противоречивых реалий современной эпохи перемен. Критерием экологичности явления, экологической компетентности профессионала является жизнь. Вердикт «компетентен — не компетентен» может быть вынесен по критерию «угроза — соответствие» жизни, жизни биологической, социальной, культурной. Так экологическая компетентность обретает базовый смысл в концепции человека: она носит над-экономический, над-этнический, над-предметный характер. Это универсальная характеристика человека.

Литература

1. Анисимов О. С. Гегель: мышление и развитие (путь к культуре мышления). М., 2000.
2. Анисимов О. С., Глазачев С. Н. Экологическая культура: восхождение к духу. Поиски духовно-нравственных оснований коррекции образования и культуры М., 2005. 186.
3. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. 800.
4. Богданов А. А. Тектология как всеобщая организационная наука. М., 1969.
5. Глазачев С. Н. Экологическая культура учителя: исследования и разработки экогуманитарной парадигмы. М., «Современный писатель», 1998.
6. Каттон У. Р. Конец техноутопии. Киев: «Экоправо», 2006. 256.
7. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: «Айрис-пресс», 2004. 576.
8. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1998. 238.
9. Медоуз Д. Х., Медоуз Д. А., Рандерс Й. За пределами роста. М.: «Прогресс», 1994. 304.
10. Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М., 1995. 472.
11. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: «Рольф», 2001. 560.
12. Сидоренко В. Ф. Образовательное пространство проектной культуры // Журнал ВНИИТЭ «Дизайн в общеобразовательной системе». М.: ВНИИТЭ, 2001.
13. Глазачев С. Н., Игнатова В. А., Игнатов С. Б., Марченко А. А. Экологическая культурология. М., 2008. 325.
14. Иващенко А. В., Панов В. И., Гагарин А. В. Экологически ориентированное мировоззрение учащихся. М.: РУДН, 2008. 422.
15. Козай Е. А. Экология культуры: предметное поле исследования / Социально-гуманитарные знания, 2002. 5.
16. Кондратьева К. А. Дизайн и экология культуры. М., 2000.